
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И НАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-92-108

EDN: QQUKAY

**ФАКТОР ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ
ОБЩЕАРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
МЕЖДУ НАЦИЕЙ И ГОСУДАРСТВОМ**

© 2023 г. О.Л. Саркисян, Н.А. Дунамалян

*САРКИСЯН Оганес Лаврентьевич, кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0002-7908-8759, hovhannes.sargsyan@rau.am
Российско-Армянский университет (РАУ), Республика Армения, 0051 Ереван, ул. О. Эмина, 123.*

*ДУНАМАЛЯН Норайр Арменович, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0003-0239-0594, norayr.dunamalyan@rau.am
Российско-Армянский университет (РАУ), Республика Армения, 0051 Ереван, ул. О. Эмина, 123.*

Статья поступила 13.07.2022. После доработки 19.10.2022. Принята к печати 30.01.2023.

Аннотация. Исследования армянской диаспоры занимают особое место в современном арменоведении. С одной стороны, сохранение армянской идентичности в диаспоре декларируется как первоочередная задача, с другой – диаспора воспринимается как стратегический ресурс развития армянской государственности. В данной статье на основе результатов социологических опросов в разных общинах армянской диаспоры исследуется степень единства идентичности армянства. Делается вывод, что можно утверждать наличие культурно-языковой единой армянской идентичности, чего нельзя говорить о гражданской, политической, а на современном этапе – и конфессиональной идентичности.

Ключевые слова: армянская диаспора, национальная идентичность, этнокультурная общность, армянские общины, армянская государственность, диаспоральный транснационализм, изгнаннический национализм, армянская церковь.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025 соответственно.

**THE DIASPORA FACTOR
IN THE CONTEXT OF PAN-ARMENIAN IDENTITY:
BETWEEN NATION AND STATE**

*Hovhannes L. SARGSYAN,
ORCID 0000-0002-7908-8759, hovhannes.sargsyan@rau.am
Russian-Armenian (Slavonic) University, 123, H. Emin Str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia.*

*Norayr A. DUNAMALYAN,
ORCID 0000-0003-0239-0594, norayr.dunamalyan@rau.am
Russian-Armenian (Slavonic) University, 123, H. Emin Str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia.*

Received 13.07.2022. Revised 19.10.2022. Accepted 30.01.2023.

Acknowledgements. This work was supported by the RA Science Committee and Russian Foundation for Basic Research (RF) in the frames of the joint research project SCS 20RF-182 and RFBR 20-511-05025 accordingly.

Abstract. Research on the Armenian diaspora take a special place in the modern Armenian studies. Approximately 70 per cent of ethnic Armenians live outside the modern Republic of Armenia. Preservation of the Armenian identity within the diaspora is declared as a priority objective. At the same time, the diaspora is perceived as a strategic resource for the development of the Armenian statehood. Meanwhile, there is practically no comprehensive research on this topic. Accordingly, certain myths exist about a unified Armenian diaspora, however, in reality it is more accurate to refer to it as a plethora of Armenian communities in different countries of the world that vary in many ways and are rather fragmented due to their lack of institutionalized unity. This article aims to study the communities of the Armenian diaspora in all their diversity with the objective to reveal the socio-political portrait of these communities. The analysis especially focuses on the institutions within the Armenian diaspora in order to identify their role in the functioning of these communities in general and the preservation of Armenian identity in particular. The main aim is to comprehend the unity between the Republic of Armenia and the Armenian diaspora through examining the place and role of modern Armenian statehood in the models of self-identification of diaspora communities. To this end, the authors study the available literature on the topic, as well as specific empirical material, namely in-depth interviews with

experts in the Republic of Armenia and the results of an extensive sociological poll “The Armenian Diaspora Survey” conducted across various communities of the Armenian diaspora. The study concludes that there is a common cultural and linguistic Armenian identity, which does not extend to include civil, political, and – currently – confessional components.

Keywords: Armenian diaspora, national identity, ethno-cultural community, Armenian communities, Armenian statehood, diaspora transnationalism, exiled nationalism, Armenian church.

About authors:

Hovhannes L. SARGSYAN, Cand. Sci. (Philos.), Assistant Professor.

Norayr A. DUNAMALYAN, Cand. Sci. (Polit.), Senior Lecturer.

В современном мире, где государства продолжают оставаться основными акторами международных отношений, несмотря на рост международной неопределенности и интенсивные изменения в социально-политической жизни обществ, актуализируются страноведческие исследования в широком понимании. С этой позиции особо важным становится изучение трансформирующихся идентичностей под влиянием внутренних и внешних факторов. Арменоведческие исследования имеют уже достаточно долгую историю, но они носят фрагментарный характер, будучи направленными на изучение отдельных феноменов армянской истории и культуры (язык, литература, искусство, церковь и религия и т. д.). Комплексные же исследования, особенно с освещением также социально-политических процессов, по существу, отсутствуют. Сказанное относится и к исследованию феномена армянской диаспоры. Между тем комплексные и системные исследования диаспоры в арменоведческих изысканиях имеют особое значение, так как по самым скромным подсчетам две трети этнических армян проживает вне границ современной Республики Армения (РА).

Армянской диаспоре посвящено большое количество исследовательского материала, раскрывающего ту или иную сторону развития армянской диаспоры на современном этапе. В данной статье будет проанализирован определенный сегмент эмпирических данных, который отчасти может показать тенденции развития армянских общин в различных уголках планеты. Основным эмпирическим материалом для этой статьи послужило большое социологическое исследование, проведенное в общинах армянской диаспоры в Египте (Каир), Франции (Марсель), США (Пасадена и Бостон), Канаде (Монреаль), Аргентине, Ливане и Румынии Армянским институтом в Лондоне при поддержке Фонда “Галуст Гюльбенкян” в 2018–2019 гг. [ист. 1]. Нельзя сказать, что социологические опросы в этих общинах могут дать полную картину об армянской

диаспоре в целом, но все же необходимо признать, что данный проект, нацеленный на продолжение опросов и в других армянских общинах в разных странах мира, – это первая попытка серьезного социологического исследования армянской диаспоры. Кроме того, при подготовке статьи были проанализированы результаты глубинного интервью, проведенного в рамках исследовательского проекта “Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)” [1], а также богатый материал о положении армянской диаспоры в различных странах мира на армянском, английском и русском языках.

Анализ эмпирической базы является необходимым условием для иллюстрации текущего состояния различных армянских общин, поскольку проведенные на данный момент научные исследования так и не привели к формированию целостного представления об армянской диаспоре. Этот аспект связан с переплетением политических, культурных, конфессиональных, лингвистических и иных особенностей отдельных групп населения в различных странах, идентифицирующих себя как армяне. В этой работе мы попытаемся лишь поставить ряд вопросов, которые требуют ответа в современных условиях сохранения и трансформации армянской идентичности, выявив некоторые особенности сложного феномена армянской диаспоры и потенциала укрепления ее связи с армянским государством.

В данной работе предлагается обратить внимание на сохранение и развитие армянской идентичности как главного остова армянских общин по всему миру, позволяющего применять ряд социальных практик внутри общины и не входить в конфликт с государством проживания. В этом контексте важно понять, как строится армянская община за рубежом, то есть узнать, каким образом наслаиваются политическая, культурная или конфессиональная идентичности,

сохраняя некую основу в виде этноконфессионального единства. Но даже в этом случае многие сообщества армян будут выпадать из общей картины: различные армянские общины могут разделять общую культурную идентичность, но политически они будут проповедовать совершенно противоположные идеологические установки. Анализ различных пластов армянской идентичности в этом плане воспринимается как более перспективный с точки зрения исследования различных групп армянской диаспоры.

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многочисленные работы по вопросам исследования армянской диаспоры освещают лишь отдельные аспекты развития армянских общин в том или ином государстве, в то время как комплексный взгляд на проблему все еще невозможен из-за отсутствия необходимого массива количественных и качественных данных о различных очагах существования армян в мире. В этом контексте присутствует также мифологизация единства армянской диаспоры и продвижения единой повестки дня различными политическими, интеллектуальными или культурными кругами внутри армянских общин [2]. С такими сложностями и разночтениями сталкиваются все исследователи армянской диаспоры, но вопрос “наслаивающейся” идентичности остается одним из важнейших с точки зрения маркирования тех или иных групп, которые ассоциируют себя с армянским этносом.

“Армянская диаспора” – во многом “виртуальное” понятие, так как подразумеваемое единое сообщество не встречается в качестве структурированного реального примера. До сих пор есть некоторые проблемы с определением этапов развития армянских общин, их статуса и внутренних механизмов развития. К примеру, известный армянский этнограф Л. Абрамян пришел к выводу, что армянское обозначение диаспоры “Спюрк” (рассеивание) может быть применено только к общинам, возникшим по причине Геноцида армян в Османской империи, а более ранние армянские сообщества могли бы называться “гахтавайр” (очаг или место переселения) [3]. С другой стороны, кажется проблемным причисление армянской диаспоры к типу “диаспор катаклизма” (*accidental diasporas*) [4], или “диаспор-жертв” (*victim diasporas*) [5], так как неоднородность армянской диаспоры касается

как различных причин возникновения современных общин, так и отличия в самоидентификации армян диаспоры. К тому же подобная классификация перемещает акцент на поиск идентичности армян диаспоры, не пытаясь вычленить этот аспект из контекста общеармянской идентичности (к примеру, психология “нации-жертвы” присуща всем представителям армянства). Еще более усложняет анализ проблемы возникновение новых сообществ после распада СССР, сменяя акцент с сохранения мирового армянства к интеграции его определенных кругов в старые общины. Так, канадский историк Р. Паносян выделяет “внешнюю” и “внутреннюю” (общины, проживающие в союзных республиках) армянскую диаспору, акцентируя ценностные различия армян, проходивших через этап модернизации в разных регионах мира [6].

Между тем очевидно, что армянская диаспора в целом и конкретные общины в частности динамично трансформируются: ближневосточные общины, по существу, находятся на грани исчезновения, что обусловлено социально-политическими процессами, начавшимися еще в 50–60-х годах XX в. и активизировавшимися после “арабской весны”, выражаясь резким оттоком армянского населения из Египта, Ирака, Сирии и Ливана; новые поколения “внешних” общин, возникших еще после Геноцида, глубоко интегрированы в общества западных стран, самоидентифицируя себя с этими обществами, сохраняя лишь некоторые элементы принадлежности к армянскому этносу на уровне исторической памяти; во “внутренних” постсоветских общинах темпы ассимиляции также высокие, что обусловлено отсутствием состоявшихся диаспоральных структур; наконец, унификации диаспоры не произошло по причине постоянных волн миграций (особенно после приобретения независимости Армении), что усилило гетерогенность диаспоральных общин, приведя к формированию феномена “диаспор в диаспоре”. Необходимо учесть также, что в последние десятилетия трансформация армянской диаспоры более интенсифицируется в результате целенаправленной политики нациестроительства государств, где проживают армянские общины.

С другой стороны, эмпирический материал, описывающий современное состояние армянских общин, скуден и формируется на основе фрагментарных данных. Все те же официальные цифры не всегда соответствуют наличному ко-

личеству тех или иных общин. Во многих случаях присутствует несколько цифр, основанных на противоречивых или устаревших источниках. Как пример, количество армян в Болгарии варьируется от 10 тыс., согласно официальным данным [ист. 2], до 35 тыс. или 50 тыс., по армянским источникам [7, р. 161; 8, р. 124]. Для оценки количества армян в Иране до сих пор используется актуальная для 1980-х годов цифра в 200 тыс. человек, хотя после исламской революции армянская община пережила как минимум три волны эмиграции [7, pp. 159-170; 9]. В количественной оценке армянских общин России также имеются расхождения, колеблющиеся от 1.2 млн до 2.5 млн человек [10].

Отсутствие точных данных приводит к половинчатости применения различных методов исследования диаспоры. Несмотря на то что размытость понятия “диаспора” как “культурно-отличительной общности” или “стиля жизненного поведения”, не зависящего от демографических реалий, может препятствовать определению четкого объекта исследования [11, с. 444], наиболее эффективным путем исследования армянской диаспоры остается содержательный анализ, который, используя методы глубинного опроса и иные полевые исследования, сможет описать и объяснить ряд внутриобщинных связей с выходом на комплексное осмысление отношений с Республикой Армения.

ИНСТИТУТЫ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Армянская апостольская церковь (ААЦ) во главе с “Католикосом всея армян” в условиях отсутствия государственности стала главным политическим институтом для всего армянского народа, сохраняющим культурное и политическое единство нации (стоит отметить, что ее официальное название – Апостольская церковь Армении (*Hayastaneants Araḡelakan Ekekhetsi*)). Кроме того, армянская церковь является тем институтом, трансформация которого почти полностью совпала с историческим развитием армянства, в том числе в его кризисные периоды. В XIX в. кризис Армянской апостольской церкви стал более ощутим, хотя уже несколько столетий церковь постепенно лишалась своего былого статуса. Постоянные войны на территории Армении способствовали тому, что самые важные научно-образовательные и просветительские центры армянства в XVII–XVIII вв. перемести-

лись за пределы исторической Армении: в Европу (католическая конгрегация мхитаристов), Индию (мадрасская группа) и в другие регионы. Уже в XIX в. у ААЦ появились новые религиозные и политические конкуренты в лице Армянской евангелистской церкви и армянских партий. Изначально существовал лишь латентный конфликт в оценках и подходах в деле сохранения армянской идентичности, но в будущем эти организации приобрели довольно высокий статус внутри армянских общин.

Возникшие в конце XIX – начале XX в. армянские традиционные партии смогли создать конкуренцию ААЦ, которая уже несколько столетий пребывала в кризисе и не могла адекватно реагировать на вызовы современности. Партии пытались сформулировать новую повестку для армянства, а после Геноцида 1915 г. и советизации Армении взяли на себя роль организации армянских общин в диаспоре. На тот момент уже присутствовали разломы внутри армянских общин, если не говорить между общинами. В ряде случаев внутридиаспоральная миграция (переезд ближневосточных армян в США и европейские страны) способствовала укреплению позиций партии Армянский революционный союз “Дашнакцутюн” на Западе и ослаблению других партий, так как эта политическая сила изначально имела исключительный авторитет именно в общинах Ближнего Востока [12]. Партия “Дашнакцутюн” стремилась создать масштабную сеть своих представительств во всей диаспоре, чему способствовало и американское покровительство в рамках “антисоветской” повестки в диаспоре. Крайней точкой противостояния “советскому” влиянию был спровоцированный партией “Дашнакцутюн” отход административно независимого Киликийского католикосата¹ от Святого Эчмиадзина, центра ААЦ, в 1956 г. Фактически возникли две церковные организации, номинально и догматически представляющие одну церковь, но административно и политически разделенные.

Бурные политические процессы в диаспоре, по сути, демонстрировали трансформацию партий в организации иного рода, представляющие собой сплав корпоративных сообществ и групп интересов. Несмотря на желание “Дашнакцутюн” стать главной партией диаспоры, реальное

¹ После падения Киликийского армянского царства в 1375 г. с целью консолидации армянства на территории исторической родины было принято решение вернуть католикосат в Эчмиадзин (1441 г.), что и было сделано, однако Киликийский католикосат сохранился.

положение дел показывало скорее углубление раскола политических, общинных и церковных организаций, а не установление единства. Традиционные армянские партии “Дашнакцутюн”, “Гнчак” или “Рамкавар” выполняли скорее посредническую функцию между общинными и государственными институтами, защищая прежде всего интересы определенных корпоративных сообществ армянской диаспоры. Эти организации пытались адаптироваться к местным политическим условиям, создавая лоббистские структуры (Армянская ассамблея Америки, Армянский национальный комитет Америки), благотворительные фонды (“Армянский всеобщий благотворительный союз” (*Armenian Global Benevolent Union*)), школы и образовательные центры. На уровне самоорганизации армянским сообществам было присуще формировать землячества или конфессиональные общины в зависимости от места пребывания. Таким образом, в различных регионах мира в армянских общинах была возможна одновременная конкуренция между системой землячеств, конфессиональных общин, партийных сообществ и кланов. Устойчивость национальной идентичности в этих условиях сохранялась благодаря этнокультурным признакам.

В пилотном проекте 2018 г. исследования армянских общин в Пасадене, Бостоне, Марселе и Каире большая часть респондентов причислила себя к ААЦ (71%), на втором месте находилась Армянская евангелистская церковь (12%), а на третьем – Армянская католическая церковь (5%). То же соотношение было обнаружено и в исследовании 2019 г. в Монреале, Ливане, Румынии и Аргентине. Однако следует обратить внимание на некоторый разброс данных по регионам, так как в Пасадене было отмечено самое большое количество приверженцев Армянской евангелистской церкви (28%), а в ближневосточных общинах (Египет и Ливан) – католической (19%) [ист. 1, р. 71; ист. 3, р. 95]. Несмотря на то что число последователей ААЦ является абсолютным большинством во всех четырех армянских общинах, существует тенденция возрастания роли иных армянских церквей² и местных

² Примечательно, что в Османской империи последователи армянских протестантской и католической конфессий причислялись к отдельным миллетам, то есть османское руководство пыталось вбить клин в армянские общины империи, но в то же время европейские великие державы также использовали религиозный фактор для давления на турецкие власти. Понятие “миллет” в Новое время стало соответствовать понятию “нация”.

конфессий (в Румынии 29% респондентов причислили себя к Православной церкви). Примечательно, что в вопросе приверженности к отдельным церквям нельзя однозначно отделить прихожан ААЦ от Киликийского католикосата.

Высокий уровень доверия к ААЦ в Армении и диаспоре объясняется прежде всего тем, что в рамках культурной модели армянской идентичности армянская церковь выступала в качестве не сугубо религиозного института, а основного фактора конструирования и сохранения армянской идентичности, и, по существу, приверженность к ней отчасти и определяла национальную идентичность [13]. Не зря евангелистская или католическая церкви не отказались от статуса “национальных” [14]. Кроме того, политические организации диаспоры также всегда использовали религиозный фактор в обеспечении своей поддержки. Однако в отдельных общинах существует различное мнение о спорных для консервативного взгляда церкви вопросах (аборты, смешанные браки, повышение статуса женщин в церкви), поэтому в западных армянских общинах возможен уход паствы от ААЦ к более либеральным национальным конфессиям [15]. Еще одним интересным свидетельством “ритуального” поведения членов армянских общин [16] является то обстоятельство, что большинство респондентов (49%) своим моральным и духовным ориентиром назвали свою семью, а не церковь [ист. 3, р. 92].

Что касается доверия армянским политическим организациям в диаспоре, то среди опрошенных только 17% поддерживают партию “Дашнакцутюн”, 3 – “Рамкавар”, 2% – “Гнчакян” [ист. 1, р. 72; ист. 3, р. 89]. 73% вообще не отнесли себя к какой-либо партии. Данные показатели демонстрируют несколько тенденций, связанных с ролью армянских партий в диаспоре. Политические организации, в частности “Дашнакцутюн”, всегда позиционировали себя как кадровые партии, претендующие на определение основных направлений развития армянских общин. С обретением независимости Армении диаспоральные партии также включились в борьбу за власть на своей родине. Показательно, что степень влияния этих партий в Армении точно соответствовала положению дел в диаспоре, но стратегии деятельности в диаспоре уже нуждались в переосмыслении в условиях становления армянской государственности [17, с. 101].

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АРМЯНСКИХ ОБЩИН

Распад СССР стал важным событием не только для армян, проживающих в Армении и Нагорном Карабахе, но и для мирового армянства в целом. Социально-политические практики в армянских общинах нуждались в пересмотре, а становление армянской государственности позволяло диаспоре более активно включиться в этот процесс. Впоследствии возник ряд проблем, связанных с отсутствием какого-либо осознания связи между государством и диаспорой. Вместе с тем эмиграция из Армении и стран постсоветского пространства способствовала формированию так называемой новой диаспоры, часто формирующейся на основе принципа землячества. Кроме того, было непонятно, насколько корректно считать диаспорой армянские общины, проживающие в постсоветских республиках (Юг России, Крым, Самцхе-Джавахети в Грузии). Все эти вопросы имели не только научный характер, но и конкретное значение для формулировки основных подходов политики сохранения армянской идентичности. При этом логика развития различных групп “старой” и “новой” диаспоры отличается, так как перед старыми общинами стоит задача сохранения своего единства, а перед новыми — проблема адаптации к изменившимся социальным и политическим условиям в стране проживания [18]. Кроме того, армянская диаспора проходит через новую волну преобразований и изменений, когда старый модус существования общин не отвечает реальным потребностям ее членов, а новые институциональные формы ее существования пока не возникли [19, с. 123].

Тактика развития армянских общин в одном и том же государстве проживания может быть показана на данных опросов в Бостоне и Пасадене: в Бостоне ряд вопросов рассматривается с более либеральных позиций, в то время как респонденты в Пасадене находятся под влиянием пересмотра некоторых основ развития армянской общины (отношение к политике, связь с церковными организациями, сохранение идентичности). Общая ситуация показывает довольно предсказуемую картину, акцентирующую приоритет развития общины на основе сохранения культурно-конфессиональных элементов армянской идентичности. Но при очевидной значимости культурного фактора для всех расстановка приоритетов в каждой общине отли-

чается. К примеру, в Марселе, где присутствует значительное количество новоприбывших членов общины из Армении (после распада СССР), предпочтение отдается функционированию армянских школ (обучение армянскому языку), а в Каире, где сохраняется влияние современных партий, большое внимание уделяется политическому и религиозному воспитанию (табл. 1).

Такая же специфика наблюдается и в отношении к вызовам, угрожающим прочности армянской общины. Все проблемы имеют актуальное звучание в конкретных условиях, присущих той или иной стране или региону в целом. Угроза ассимиляции не становится основной проблемой, демонстрируя стремление каждой общины сохранить устойчивые социокультурные отношения. Вместе с тем снова демонстрируется разница приоритетов отдельных общин: если для бостонских армян главное состоит в том, чтобы сделать карьеру, которая является необходимостью для прочности общины, то для армянских общин Ливана и Египта важной проблемой остаются смешанные браки (табл. 2).

Социальные и политические реалии страны проживания армянских общин вносят свои коррективы в ценностные установки диаспоры, определяя таким образом инструментарий и приоритеты сохранения армянской идентичности. Вместе с тем жизнедеятельность армянских общин включает несколько аспектов, способствующих наслоению политической, культурной, этноконфессиональной и даже профессиональной идентичностей. Почти все армянские общины (кроме отдельных специфических групп криптоармян) включены в процесс сложного “многополярного взаимодействия” [20], конструирующего отношения диаспоры и государства. Единственной стержневой структурой, *объединяющей все армянские общины* (свидетельством чему являются вышеупомянутый опрос и многочисленные исследования), остается армянская культура. Культурный фактор является наиболее значимым для сплочения армянских общин и политически нейтральным элементом становления “диаспоральной” идентичности. Но в то же время надо понимать, что этнокультурные ценности трактуются по-разному в зависимости от конкретной армянской общины. Несмотря на это, следует также отметить роль культурного мифа, вокруг которого продолжает конструироваться национально-культурное самосознание, и языка, позволяющего минимизировать ущерб секулярных тенденций

Таблица 1. Какие мероприятия необходимы в вашей местной армянской общине?¹

	Всего	Общины			
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир
Количество опрошенных	1926	375	524	701	326
%					
Лекции и мероприятия, посвященные армянской истории, языку, искусству, кухне и т. д.	45	39	43	45	54
Армянские школы	38	33	35	48	26
Культурные мероприятия для детей, летние лагеря, скауты	37	33	27	39	55
Профессиональные сети	28	23	33	28	24
Библиотеки, музеи, светские учреждения	25	27	17		29
Политическая активность (лоббирование признания Геноцида или поддержка Армении)	25	21	19	31	26
Церковь и религиозные мероприятия	20	25	20	14	28
Социальные услуги	20	17	21	26	8
Сервисы знакомств или возможности встретиться с другими людьми	17	19	27	10	10
Музыка, хоры	14	12	15	13	14
Группы для танцев	14	13	16	11	15
Спорт	14	14	10	17	12
Другое	9	8	13	9	2

¹ В этой и последующих таблицах представлено общее количество респондентов, принимавших участие в исследовании *Armenian Diaspora Survey* в различных армянских общинах. Ниже (в процентах) показаны ответы респондентов на общие вопросы, связанные с деятельностью местной общины (представлен средний процентный показатель ответов по всем общинам, а также отдельно по каждой).

Источник: [ист. 1, р. 70].

Таблица 2. Что является главным вызовом прочности армянской общины?

	Всего	Общины							
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Монреаль	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	4516	386	500	627	306	885	1022	546	244
%									
Дефицит мероприятий для молодежи	37	35	35	45	48	29	39	36	30
Отсутствие сильного, дальновидного руководства в армянской общине	37	36	33	36	52	29	39	48	19
Смешанные браки	30	11	22	31	55	11	35	48	23
Угроза ассимиляции	26	28	29	34	25	21	26	27	21
Отсутствие интересных, занимательных мероприятий внутри армянской общины	28	31	29	33	27	28	29	24	26
Нацеленность на построение карьеры	24	23	39	20	18	24	19	33	17
Отсутствие возможности учиться/говорить на армянском языке	20	24	19	26	21	19	12	14	28
Отдаленность от друзей	14	17	22	15	13	12	11	9	15
Такой проблемы нет	12	13	19	12	7	17	9	4	13
Недостаток пространств армянской общины	10	14	8	13	5	12	7	9	8

Источник: [ист. 1, р. 69; ист. 3, р. 87].

современности [21, pp. 395–396]. Исходя из этого, возникает вопрос: какое содержание вкладывается в политическую составляющую армянской

идентичности и какое место занимает Республика Армения в диапазоне “историческая родина” – современная территория армянского государства?

Таблица 3. Каким образом вы определяете свою армянскую идентичность?

	Всего	Общины							
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Монреаль	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	5678	616	891	1058	416	885	1022	546	244
	%								
Семейная история/прошлое, семья	66	62	76	51	48	73	63	77	74
Армянский язык	50	68	38	62	73	33	80	21	26
Христианское наследие и вера	30	38	38	39	35	14	26	15	33
Признание Геноцида	29	30	26	42	48	32	24	22	10
Уровень активности в армянской общине	32	31	45	27	33	27	26	24	42
Армянская кухня, танцы, музыка	38	35	42	28	24	51	47	44	35
Гордость за армянскую историю	26	26	30	37	28	23	26	20	19
Тесные семейные связи	15	22	26	20	15	11	13	6	6
Республика Армения – тесные отношения со страной и людьми	13	15	14	25	17	7	11	8	7
Связь с исторической Арменией	11	12	14	18	18	7	8	6	2
ДНК/кровь/генетическая связь	17	18	18	16	4	36	18	0	29

Источник: [ист. 1, р. 69; ист. 3, р. 87].

Данные исследования “*Armenian diaspora survey*” показывают, что определение своей национальной идентичности проводится прежде всего через маркеры “семья” и “армянский язык” (табл. 3), хотя показатели по восьми регионам значительно различаются, четко выделяя “старые” и “новые” группы диаспоры. Современная армянская государственность связывается с национальной идентичностью только 13% респондентов, в то время как культурные аспекты идентичности однозначно лидируют. Примечательно, что именно марсельская группа опрошенных, в числе которых доминируют говорящие на восточноармянском языке [ист. 1, р. 68], то есть представители “новой” диаспоры, формирует свою общность в том числе и на ассоциации с Республикой Армения (25%). Каирская община в свою очередь придает большее значение фактору Геноцида (48%), пребывая в довольно специфических условиях и находясь на грани исчезновения в связи с эмиграцией из Египта [22]. В этом контексте элементы конфигурации армянской идентичности выстраиваются в соответствии с внутренними и внешними особенностями армянских общин, сохраняя значительный перекося в сторону этнокультурных аспектов. Такая тенденция присуща почти всем армянским общинам и является естественной, так как в условиях проживания в другом государстве приходится выбирать наи-

более компромиссную модель политического поведения.

Результаты экспертного опроса³ показывают, что специалисты и практики также затрудняются определить унифицирующий элемент общеармянской идентичности, объединяющий армян Армении и Диаспоры. Наравне с общепризнанными маркерами идентичности в виде общих языка, религии и культуры отмечаются серьезные различия между армянскими общинами мира. С одной стороны, подходы некоторых экспертов можно назвать “деонтологическими”, направленными скорее на будущее взаимодействие Армения–Диаспоры, где человек, идентифицирующий себя как армянин, должен “быть полезным армянству” или его деятельность должна способствовать развитию армянского государства. Другие эксперты настроены более пессимистично, признавая единственным элементом, связывающим армянство, факт “постгеноцидного отчаяния вымирающей нации и горделивого осознания: мы выжившие,

³ Опрос проведен в июне–августе 2021 г. среди 12 экспертов из Республики Армения. Эксперты отбирались по принципу наибольшей авторитетности, компетентности и вовлеченности в академическую и управленческую деятельность, связанную с тематикой исследования. В пул экспертов вошли представители трех категорий: академические ученые, специалисты-практики государственной службы, представители гражданского общества.

и нас не так просто уничтожить”. Или вообще отрицая общность армян Диаспоры и Армении в вопросе возможности выработки общих интересов, из-за чего между Диаспорой и армянским государством возникает ситуация постоянного недопонимания. Во всяком случае для многих экспертов общеармянская идентичность остается “потенциально актуализируемой сущностью”, несводимой к одному или нескольким объединяющим элементам.

АРМЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Понятие “государство” в контексте выстраивания идентичности армянских диаспоральных общин никогда не представляло собой целостного понимания какого-либо территориально-политического образования. Первая армянская республика (1918–1920 гг.), которую некоторые ее диаспоральные лидеры называли “Араратской республикой”, сформировавшаяся на небольшой территории в северо-восточной части исторической Армении, не была воспринята как общеармянское государство. Советская Армения была чужда для отдельных общин диаспоры, а независимая республика не смогла выработать эффективного механизма связи с диаспорой. В психологии армянских общин оставались воспоминания о стране, об “Эргире” (*Էրգիր*), из которой предки представителей армянской диаспоры были изгнаны. Здесь нет понятия “государство”, но есть понятие “страна”, территория, обладающая признаками исконного местожительства армянского этноса, и территория, где был произведен геноцид и откуда произошел исход. Именно поэтому “Западная Армения” и “Восточная Армения” в маркировке армянской идентичности имеют различную эмоциональную нагрузку, несмотря на бедствия в начале XX в. в обеих частях исторической Армении. Таким образом, нужно понимать, что диаспора, сформировавшаяся после Геноцида 1915 г., не сохранила памяти о государственности, а политическая идентичность Советской Армении конструировалась совсем по-иному.

Такое “раздвоение” национальной идентичности происходит также от восприятия определенной территории как родины (*homeland*). В этом контексте полицентричность диаспоральной (и в целом армянской) идентичности прояв-

ляется наиболее выпукло, так как представления о родине нельзя сводить только к памяти о месте исхода. Такое допущение может быть связано прежде всего с поэтапным развитием армянской диаспоры, обозначенного двумя основными понятиями (в терминологии известного американского исследователя армянской диаспоры Х. Тойлойяна – изгнанныческий национализм (*exilic nationalism*) и диаспоральный транснационализм (*diasporal transnationalism*)) [23]. Изгнанныческий национализм может рассматриваться в контексте формирования первых попыток осознания диаспоры в качестве единого национального (а не только этноконфессионального) сообщества, которое сохранило память об исторической Армении. В этом случае осознание представителями диаспоры принадлежности к армянской нации основывалось на реальной памяти о доме (исторической родине). Но параллельно росту армянских общин за рубежом возрастала физическая и ценностная дистанция от исторической Армении, а потом и армянского государства.

Диаспоральный транснационализм более ярко продемонстрировал закрепление основных элементов самосознания армянских общин. Это не означает, что национальное самосознание стало однородным во всей диаспоре, но этнокультурная идентичность на уровне отдельных общин оказалась более устойчивой. Вместе с тем данный тезис подтверждает некорректность использования понятия “глобальная нация”, так как единообразия армянской национальной идентичности не существует, а “армянский транснационализм” формируется на основе ценностей Республики Армения, Республики Арцах (Нагорно-Карабахская Республика) и различных общин диаспоры, которые отличаются с точки зрения территориального расположения, статуса, мобильности и других факторов [23, pp. 33-37].

Выделение этих двух этапов развития армянской диаспоры показывает некоторую тенденцию, которая способствовала постепенному размыванию понятия “родина” (*homeland*), так как многие представители диаспоры стали идентифицировать себя как с реальным местом рождения или проживания, так и с “виртуальным” образом исторической родины, которая в перспективе стала ассоциироваться с Республикой Армения, хотя и с некоторыми оговорками (табл. 4). В исследовании 2019 г. на вопрос о связи географи-

Таблица 4. Что из названного вы считаете своей родиной?

	Всего	Общины			
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир
Количество опрошенных	1088	261	420	194	213
%					
Место рождения	62	46	69	69	65
Республика Армения	44	43	38	66	41
Место проживания	38	38	43	28	36
Место рождения предков	28	24	34	27	24
Место рождения родителей	15	14	14	21	12
Идея родины не важна	4	5	5	3	3
Другое место	4	5	4	2	3

Источник: [ист. 1, р. 104].

ческого места и идентичности только 12% упомянуло Республику Армения, в то время как 30% респондентов назвали топонимы Западной Армении (ныне Восточная Турция) [ист. 3, р. 79].

Еще одним важным индикатором в оценке уровня социально-политического сознания армянских общин диаспоры является желание вернуться на “историческую родину”. Ответ и на этот вопрос зависит от ряда факторов, определяющихся частотой контактов с Республикой Армения, наличием определенного знания о социально-политическом положении страны, связями с местной армянской общиной, верой в “миф о первоначальной родине”. В опросе армянских общин Пасадены, Бостона, Каира, Марселя, Монреаля, Ливана, Аргентины и Румынии 47% от общего числа респондентов не выразили желания жить в Армении, в то же время лишь 5% опрошенных заявили о скорых планах переехать в Армению, а остальные связали свой ответ с улучшением условий в республике [ист. 1, р. 113; ист. 3, р. 106].

Здесь нет каких-либо противоречий, так как Республика Армения для диаспоры является прежде всего символом, физически существующим воспоминанием о “первоначальной родине”. Фактор наличия собственной государственности выполняет скорее функцию “эмоциональной поддержки”, определяющей принадлежность к единой нации, но не способствующей однозначному возвращению на родину. Данное обстоятельство фактически придает населению Республики Армения статус очередной общины в глобальной “транснации”. Исходя из этого, углубление связей между армянской государственностью и диаспорой непосредственно связано с расстановкой ролей и функций госу-

дарственных и диаспоральных акторов. После обретения Республикой Армения независимости данный вопрос все еще нуждается в значительной корректировке.

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ ДИАСПОРЫ

Американский исследователь Д. Фитанте, опираясь на интервью с армянскими репатриантами из Северной Америки, выделяет категории “строителей” и “брендеров” (*branders*), избирающих для себя особую модель “миссионерского” поведения с целью преобразования армянского общества и государства. При этом логика действий репатриантов исходит из двух общих предпосылок: 1) Республика Армения воспринимается как развивающееся государство, нуждающееся в освобождении от “ценностей тоталитарного прошлого”, чему могут помочь прогрессивные взгляды представителей диаспоры (миссия “строителей”); 2) образ Армении в диаспоре изначально негативный по ряду причин, поэтому необходимо создать позитивный имидж армянского государства, лишенный негативных коннотаций (миссия “брендеров”). Одновременно с этим исследователь наблюдает отказ от выстраивания устойчивых отношений с местными армянами, ценностная база которых кардинально отличается от взглядов представителей диаспоры. Подобная ситуация описывается как парадокс “связи без вовлечения” (*Connection without Engagement*) [24, pp. 155-163], поскольку репатрианты, проживая в Армении, часто формируют свой круг общения из таких же выходцев из диаспоры. Исходя из этого, возникает проблема интеграции репатриантов в армянское общество, а вместе с тем идеальный

образ армянского государства в диаспоре сталкивается с политической реальностью, углубляя эффект несоответствия социально-политических ожиданий и действительности.

Другой важной проблемой является амбивалентность диаспоральной идентичности, одновременно включающей различные уровни принадлежности. Как результат, многие репатрианты, проживающие долгое время в Армении, могут совмещать “армянскую” и “диаспоральную” идентичность, воспринимая в качестве родины территорию Республики Армения и прошлое место проживания. Примечательно, что такое наложение идентичностей может способствовать как углублению отчужденности новоприбывших представителей диаспоры, так и формированию космополитичной идентичности [25].

Фактор родины в символическом портрете армянской идентичности важен не только с точки зрения сохранения связи Армения–Диаспора, но и в вопросе формирования особой политической идентичности, выстроенной вокруг армянской государственности. Представленные выше примеры показывали прежде всего ситуацию диаспорального самосознания вне постсоветского пространства, но большая часть армянства также проживает в бывших союзных республиках СССР, где менталитет и политические традиции не очень отличаются от социально-политических практик в Армении. Следует оговориться, что сохранение армянской национальной идентичности на постсоветском пространстве в общих чертах соответствует общедиаспоральным тенденциям, но армянские общины в постсоветских республиках развиваются на стыке трех сегментов: общин, существующих несколько сотен лет (Юг России, регион Самцхе-Джавахети в Грузии); сообществ, сформированных в советское время; новых групп, эмигрировавших из Армении в постсоветский период.

Очевидно, что идентичность постсоветских армянских общин также амбивалентна, хотя пребывание в едином государстве до недавнего времени способствовало сохранению общей ценностной базы, но и в этом случае ценностное дистанцирование неизбежно, поскольку происходит смена поколений диаспоры и механизмы сохранения национальной идентичности меняются. Вместе с тем наблюдаются новые тенденции в развитии постсоветских стран, нацеленные на формирование общей гражданской идентичности. В этом смысле создаются благо-

приятные условия для интеграции армян России в российское общество, а не обособления в отдельных группах. Исследования показывают, что 55% армян, родившихся в России, считают эту страну своей родиной, в то время как более 47% новоприбывших армян считают таковой Армению. Примечательно, что 30% респондентов из каждой группы обозначают своей родиной Советский Союз [ист. 4, с. 216]. С одной стороны, близость культуры и общая история благоприятно влияют на интеграцию армян в российское общество, но с другой, просматривается общая тенденция ассимиляции новых поколений армян, не владеющих армянским языком и идентифицирующих себя с российским государством, хотя отдельным регионам (Москве, Ростову-на-Дону, Краснодару) присуща различная динамика.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРМЕНИЯ–ДИАСПОРА

Политический срез взаимодействия Диаспора–Армения всегда представлял собой клубок противоречий, который включал конфликты на локальном (внутри общин) и глобальном (корректировка отношений с вновь созданной республикой) уровнях. С первых лет независимости Третьей армянской республики конфликт интересов диаспоры и армянской власти наметился на фоне больших политических амбиций партии “Дашнакцутюн” и руководства РА во главе с Леоном Тер-Петросяном. Проблема заключалась в том, что Л. Тер-Петросян считал, что с обретением независимости деятельность диаспоральных партий должна быть пересмотрена и единственным местом политической жизни должна стать Республика Армения [17]. К тому же конфликт власти с партией “Дашнакцутюн” и ее дальнейший запрет в 1994 г. привели к напряженности в отношениях с некоторыми общинами диаспоры, хотя партии “Рамкавар-Азатакан” или “Гнчакян” демонстрировали более лояльный подход.

Говоря о периоде становления отношений между Республикой Армения и диаспорой, стоит выделить несколько идеологических вопросов, которые были связаны с выработкой единой повестки и согласования политики. Если изначально Л. Тер-Петросян пытался использовать потенциал диаспоры во внутренней и внешней политике, формируя повестку на основе интересов Армении как независимого государства, то

в дальнейшем пришлось учитывать идеологические предпочтения различных групп в диаспоре. Подобно “сообщающимся сосудам” повестка дня отношений Армения–Диаспора состояла из вопросов признания геноцида, урегулирования карабахского конфликта и восстановления армяно-турецких отношений. Иными словами, любая попытка улучшения отношений с Турцией воспринималась в диаспоре довольно болезненно (хотя истоки внешней политики независимой республики отчасти формировались на основе рекомендаций выходцев из диаспоры: к примеру, советник президента РА в 1991–1994 гг. Ж. Липаритян), поскольку Геноцид армян в Османской империи был и остается одним из важнейших элементов идентичности армянской диаспоры.

Отдельно стоит отметить роль партии “Дашнакцутюн”, которая стояла на максималистских позициях как в вопросе признания геноцида армян – одной из центральных тем внешней политики Армении, так и подходов к урегулированию карабахского конфликта [26]. Позиция первого президента Л. Тер-Петросяна заключалась в том, чтобы избежать идеологического влияния диаспоры на принятие политических решений, придерживаясь более прагматичной политики, поэтому вопрос признания геноцида виделся как прерогатива диаспоры. Кроме того, вокруг проблемы урегулирования карабахского конфликта также не было консенсуса, поскольку Тер-Петросян был готов к решению конфликта на основе уступок, а партия “Дашнакцутюн”, уже заняв бескомпромиссную позицию на политическом поле Армении и Арцаха, настаивала на сохранении статус-кво. Отметим при этом, что подобная позиция была присуща не всей армянской диаспоре, но дальнейший дискурс привел к сближению смыслового содержания проблем признания геноцида и карабахского урегулирования, так как последствия уступчивости армянской стороны приравнивались продолжению геноцида армянского населения в регионе [26].

Основная проблема таких отношений заключалась в выборе субъекта принятия решений: отдельные партии в диаспоре склонялись к пониманию необходимости серьезного влияния на территории Армении и Арцаха, а руководство РА пыталось централизовать усилия всего армянства вокруг актуальных интересов армянского государства. Эта тенденция проявлялась из-за отсутствия взаимопонимания относительно те-

кущей ситуации в республике и необходимости построения горизонтального взаимодействия, что повлияло бы на формат отношений Армения–Диаспора при всех лидерах Армении. Показательно, что совет попечителей всеармянского фонда “Айастан”, созданного в 1992 г. для поддержки развития независимой республики, включал представителей РА, НКР, ААЦ, Киликийского католикосата, *AGBU*, партий “Гнчак”, “Рамкавар”, “Дашнакцутюн”, армянской католической и евангелистской церковью и других организаций диаспоры. Несмотря на борьбу между президентом Тер-Петросяном и “Дашнакцутюн”, а также запрет этой политической силы в 1994 г., попечители данной партии и ассоциированных с ней организаций сохранили свои места в фонде, хотя наименование “Дашнакцутюн” было убрано [27, р. 175].

С другой стороны, примечательно стремление первого президента Армении преодолеть раскол армянской церкви, предложив кандидатуру киликийского католикоса Гарегина II (будущий католикос всех армян Гарегин I) после смерти католикоса Вазгена I, то есть была заметна попытка включить идею армянского государства и ее приоритетность в политическую жизнь диаспоры. Но дальнейшие события и отсутствие консенсуса по ряду вопросов внутри политической элиты Армении привели к поиску новых форматов отношений Армения–Диаспора.

Промежуточный консенсус по ряду вопросов был найден при втором президенте РА Роберте Кочаряне, когда максималистская позиция по карабахскому вопросу стала приемлемой для армянского руководства, а снятие запрета деятельности “Дашнакцутюн” показало солидарность диаспоры и Республики Армения. Примирение символического образа диаспоры (признание геноцида) и независимости республики (карабахский конфликт), приход к единому пониманию борьбы за существование как на исторической родине, так и за ее пределами, способствовало сближению армянского государства и общин диаспоры с последующей возможностью использовать ресурсы армянских общин в становлении государственности.

Институционально отношения Армения–Диаспора начали оформляться с 1999 г., когда был проведен первый форум Армения–Диаспора, создана специальная правительственная комиссия по вопросам диаспоры. Однако широкий круг обсуждаемых проблем и сложность

согласования интересов Армении и отдельных армянских общин способствовали формализации всего процесса. В 2008 г. было создано Министерство диаспоры, которое координировало деятельность по связям с диаспорой. Фактически сформировались две модели взаимодействия Армения–Диаспора: “единое усилие” и “единая повестка”, то есть первая модель была направлена на достижение определенной цели, где главная роль принадлежала армянскому государству, вторая – на создание единых кратко- или среднесрочных задач, реализуемых на разных площадках и вне зависимости друг от друга [28, pp. 16–17].

Логика вышеупомянутых обстоятельств исходила из большой разницы подходов политических элит Армении и армянских общин диаспоры, так как отсутствие общего видения развития армянской нации и неспособность сформулировать данную концепцию со стороны армянского руководства приводили к разрозненным действиям как в связях с диаспорой, так и внутри ее. Довольно убедительным показателем является объем помощи со стороны диаспоры через фонд “Айастан” (рис. 1), где демонстрируется спад заинтересованности в поддержке Армении со стороны диаспоры. Данная тенденция была подтверждена в период Второй карабахской войны,

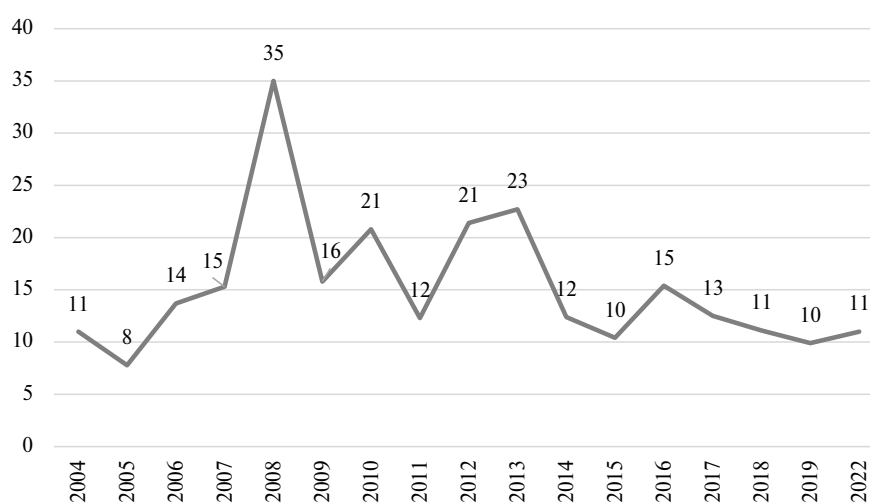


Рис. 1. Объемы собранных средств по итогам ежегодного телемарафона Всеармянского фонда “Айастан”, млн долл.

Источник: <https://www.himnadram.org/en/events>

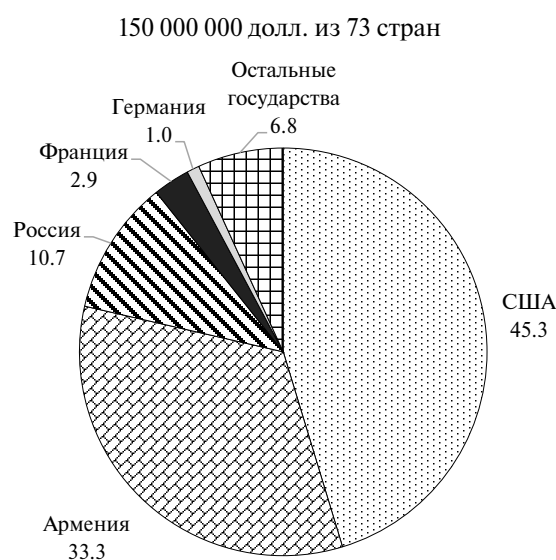


Рис. 2. Объем собранных средств во время Второй карабахской войны по странам, %

Источник: <https://verelq.am/ru/armenia/show/43369>

она показала довольно большую активность армян диаспоры в проведении различных акций протеста, но не послужила основой для систематизированной помощи со стороны армянских общин (рис. 2).

Сложность в согласовании подходов заключается также и в отношении к проблемам в республике. Главными сферами, в рамках которых общинам следует оказать помощь Армении, респонденты называют экономику, образование и права человека (табл. 5), хотя в самой стране соцопросы показывают приоритетность

решения социально-экономических проблем и региональных конфликтов (рис. 3). Данное обстоятельство свидетельствует о разном, нечетком восприятии проблем Армении диаспорой, и наоборот.

В свою очередь, в инвестициях нуждаются не только Республика Армения, но и армянские диаспоральные общины. По причине недостаточного финансирования и сокращения количества учеников закрываются школы в крупных армянских общинах (школа “Овакимян-Манукян” в Бейруте и Сирии, средняя школа “Кентрона-

Таблица 5. В каких из следующих сфер общинам диаспоры следует оказать поддержку Республике Армения?

	Всего	Общины							
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Канада	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	5010	479	630	859	345	885	1022	546	244
	%								
Образование	49	55	60	45	55	54	43	40	43
Инфраструктура	29	36	31	27	25	30	32	21	26
Экономическое развитие, открытие рабочих мест	65	71	66	73	58	55	67	64	64
Безопасность	23	21	16	31	34	9	21	21	30
Права человека, развитие демократии	39	46	51	53	31	34	42	28	29
Здравоохранение	30	34	25	43	25	21	32	32	24
Социальные услуги	22	26	19	17	33	18	26	25	15
Искусство и культура	19	10	11	21	20	32	18	14	27
Права женщин	19	26	21	22	6	20	26	19	8
Гражданское общество, НКО	15	10	14	13	17	15	13	19	15
Общины диаспоры должны заботиться сами о себе	6	3	4	8	12	5	6	5	1

Источник: [ист. 1, р.118; ист. 3, р. 108].



Рис. 3. Главные проблемы, стоящие перед армянским обществом, 2019, 2021 гг., %

Источник: <https://www.caucasusbarometer.org/en/cb2019am/IMPISS1-withoutdkra/>

Таблица 6. Какими способами Республика Армения могла бы поддержать вашу местную общину?

	Всего	Общины			
		Аргентина	Канада	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	2697	885	1022	546	244
%					
Обеспечение поддержкой и информацией людей, желающих посетить Армению. Поддержка туризма	47	49	45	40	62
Организация культурных программ в общине	42	45	37	44	46
Помощь в разработке программ подготовки учителей	34	49	31	23	21
Обеспечение поддержкой и информацией в сфере образования и программ досуга в Армении	32	35	32	30	23
Помощь школам учебниками армянского языка	26	28	29	21	21
Армения должна заботиться о себе	10	5	17	8	7

Источник: [ист. 3, р. 109].

кан” в Стамбуле). Необходимо создавать новые диаспоральные учреждения и связи не только на уровне “община–община”, но также на уровне “Армения–Община” [19]. Вместе с тем основной сферой поддержки со стороны Армении в армянских общинах представляется культура, включающая обеспечение информацией об Армении, поддержку образовательных программ и предоставление информации (табл. 6).

Большой массив данных о различных армянских общинах и будущем армянской диаспоры в целом заставляет искать новые пути координации и согласования интересов этих групп посредством армянского государства, которое могло бы сформулировать некоторую единую повестку

и организовать более эффективное использование ресурсов. Однако фрагментарные мероприятия не приводят к реализации данной цели, так как отсутствует стратегия действий. Та же концепция сетевого взаимодействия с диаспорой и выходом на улучшение имиджа Армении за рубежом посредством институционализации культурной дипломатии остается утопическим проектом без серьезной поддержки государства [29]. В свою очередь правительство РА так и не смогло выработать действующую модель отношений с диаспорой, сосредоточившись на идеологическом консенсусе вокруг отдельных широких тем, но не вдаваясь в более детальный план развития всего армянства в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Саркисян О.Л., Дунамян Н.А., Карамян И.А., Оганесян Т.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью). *Вестник РАУ*, 2021, № 2 (38), сс. 7-18.
Sarkisyan H.L., Dunamalyan N.A., Karamyan I.A., Oganesyanyan T.A. Civic identity in Armenia (overview of in-depth expert survey). *Vestnik RAU*, 2021, no. 2 (38), pp. 7-18. (In Russ.). Available at: <https://science.rau.am/uploads/documents/1644775252.pdf> (accessed 25.09.2022).
2. Tölölyan K. The contemporary discourse of diaspora studies. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2007, vol. 27, iss. 3, pp. 647-655. Available at: <https://muse.jhu.edu/pub/4/article/224587/pdf> (accessed 25.09.2022).
3. Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча. *21-й век*, 2005, № 2, сс. 137-155.
Abrahamyan L. Armenia and diaspora: divergence and meeting. *21st century*, 2005, no. 2, pp. 137–155. (In Russ.) Available at: https://tert.nla.am/archive/NLA%20AMSAGIR/XXI%20Bek/02_2005.pdf (accessed 25.09.2022).
4. Brubaker R. *Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present*. IHS Political Science Series 71. October 2000. 30 p. Available at: https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853582_pw_71.pdf (accessed 25.09.2022).
5. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. 2nd ed. New York, Routledge, 2008. 240 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203928943>
6. Panossian R. The Armenians: Conflicting Identities and the Politics of Division. *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. King Ch., ed. New York, Routledge, 1998. Ch. 4. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429498732>
7. Մալխասյան Մ. Պատմամոդերնիզացրական ուսումնասիրություններ. *Գիտական հոդվածների ժողովածու, գիրք 1*. Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2015. 248 էջ.

- Malkhasyan M. Historical-demographic research. *Collection of scientific articles, book 1*. Yerevan, YSU press, 2015. 248 p. (In Armen.) Available at: <http://www.y-su.am/files/5-1512481632-.pdf> (accessed 25.09.2022).
8. Մալխասյան Մ. Հայերն աշխարհում. *Հայ սփյուռք հանրագիտարան*. Երևան, 2003 թ., 735 էջ.
Malkhasyan M. Armenians in the world. *Armenian Diaspora Encyclopedia*. Yerevan, 2003. 735 p. (In Armen.)
9. Iskandaryan G. The Armenian community in Iran: Issues and emigration. *Global Campus Human Rights Journal*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 127-140. Available at: <http://ysu.am/files/1-1574062812-.pdf> (accessed 25.09.2022).
10. Арутюнян Ю.В. Об этносоциологических исследованиях армян России. *Историко-филологический журнал*, 2010, № 1, сс. 129-136.
Harutyunyan Yu.V. On the ethno-sociological studies of Armenians in Russia. *Historical and Philological Journal*, 2010, no. 1, pp. 129-136. (In Russ.) Available at: https://arar.sci.am/dlibra/publication/193327/edition/175665/content?format_id=2 (accessed 25.09.2022).
11. Тишков В.А. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. Москва, Наука, 2003. 544 с.
Tishkov V.A. *Requiem for an ethnos: studies in socio-cultural anthropology*. Moscow, Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.) Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/biblio01.php> (accessed 25.09.2022).
12. Takooshian H. Armenian Immigration to the United States from the Middle East. *Journal of Armenian Studies*, 1986–1987, vol. III, no. 1-2: Identity and Assimilation: The Armenian Experience in America, pp. 133-155. Available at: <https://naasr.org/pages/journal-of-armenian-studies> (accessed 25.09.2022).
13. Саркисян О.Л. Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении). *Вестник РАУ*, 2018, № 2 (29), сс. 28-33.
Sargsyan H.L. Cultural resource of identity policy (on the example of Armenia). *Vestnik RAU*, 2018, no. 2 (29), pp. 28-33. (In Russ.)
14. Միմավորյան Ա., Հովյան Վ. Հայ կաթողիկե և ավետարանական համայնքները Թուրքիայում. Ժամանակակից միտումներ. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2012. 160 էջ.
Simavoryan A., Hovyan V. *Armenian Catholic and Evangelical communities in Turkey. Modern trends*. Yerevan, “Noravank” GKH, 2012. 160 p. (In Armen.) Available at: <http://www.noravank.am/upload/pdf/Arestakes%20Simavoryan%20Vahram%20Hovyan%20book.pdf> (accessed 25.09.2022).
15. Tölölyan K. The Role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora. *The Armenian Review*, 1988, vol. 41, no. 1-2, pp. 55-68. Available at: <https://www.armenianreview.org/> (accessed 25.09.2022).
16. Merton R. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*, 1938, no. 3, vol. 5, pp. 672-682. Available at: <https://doi.org/10.2307/2084686>
17. Дятлов В., Мелконян Э. *Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии*. Искандарян А., ред. Ереван, Caucasus Institute, 2009. 207 с.
Dyatlov V., Melkonyan E. *Armenian Diaspora: essays on socio-cultural typology*. Iskandaryan A., ed. Yerevan, Caucasus Institute, 2009. 207 p. (In Russ.) Available at: <https://lib.memo.ru/book/14237> (accessed 25.09.2022).
18. Геворкян А.В. *Развитие и многообразие: “старая” и “новая” армянские диаспоры на современном этапе*. Рабочие доклады. Институт Кавказа, Ереван. Май 2017. 19 с.
Gevorkyan A.V. *Development and diversity: “old” and “new” Armenian Diasporas at the present stage*. Working papers. Caucasus Institute, Yerevan. May 2017. 19 p. (In Russ.) Available at: <https://c-i.am/wp-content/uploads/2017-05-Gevorkyan-diaspora-rus.pdf> (accessed 25.09.2022).
19. Акопян А.А. Проблема создания концепции взаимодействия Республики Армения и диаспоры в контексте становления стратегической культуры Армении. *Вестник РАУ*, 2018, № 3 (30), сс. 121-131.
Nakobyan A.A. The problem of Republic of Armenia and Diaspora interaction concept formation in the context of Armenian strategic culture development. *Vestnik RAU*, 2018, no. 3 (30), pp. 121-131. (In Russ.)
20. Brinkerhoff J.M. Diaspora policy in weakly governed arenas and the benefits of multipolar engagement: lessons from the Coptic Orthodox Church in Egypt. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019, vol. 45, iss. 4, pp. 561-576. Available at: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409168>
21. Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*, 1976, no. 70 (2), pp. 393-408. Available at: <https://doi.org/10.2307/1959646>
22. Rafik F. How the Armenian Community Made Egypt a Home. *Egyptian streets*, 08.06.2022. Available at: <https://egyptianstreets.com/2022/06/08/how-the-armenian-community-made-egypt-a-home/> (accessed 25.09.2022).
23. Tölölyan K. Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. Gal A., Leoussi A.S., Smith A.D., eds. *The Call of the Homeland*. 2010, pp. 27-45. Available at: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004182103.i-402.16>
24. Fittante D. Connection without Engagement: The Paradoxes of North American Armenian Return Migration. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 2017, vol. 19, iss. 2-3, pp. 147-169. Available at: <https://doi.org/10.3138/diaspora.19.2-3.147>

25. Karageozian N. Dreaming of the Mountain, Longing for the Sea, Living with Floating Roots: Diasporic 'Return' Migration in Post-Soviet Armenia. Sigona N., Gamlen A., Liberatore G., Kringelbach H.N., eds. *Diasporas Reimagined: Spaces, Practices and Belonging*. Oxford, Oxford Diasporas Programme, 2015, pp. 69-73. Available at: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Diasporas_reimagined_Spaces_practices_an.pdf (accessed 25.09.2022).
26. Tölölyan K. The Armenian Diaspora and the Karabagh Conflict since 1988. Smith H., Stares P., eds. *Diasporas in Conflict: Peace Makers or Peace Wreckers?* Tokyo, New York, United Nations University Press, 2007, pp. 106-128. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/601876> (accessed 25.09.2022).
27. Մինասյան Է., իւր. Հայրենիք-Սփյուռք հարաբերությունները. 1918 թվականից մինչև մեր օրերը: Եր., ԵՊՀ հրատ., 2017. 246 էջ.
Minasyan E., eds. *Homeland-Diaspora relations. From 1918 to the present day*. Yerevan, YSU publishing house, 2017. 246 p. (In Armen.) Available at: http://publishing.y-su.am/files/Hayreniq_Spyurq_haraberutyunnery.pdf (accessed 25.09.2022).
28. Միմավորյան Ա., Հովյան Վ. Հայրենիք-սփյուռք համագործակցության մոդելները/. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2018. 134 էջ.
Simavoryan A., Hovyan V. *Homeland-diaspora cooperation models*. Yerevan, "Noravank" GKH, 2018. 134 p. (In Armen.)
29. Дунамалян Н.А. Институциональные основы культурной дипломатии Армении. *Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)*, 2018, № 2 (29), сс. 34-37.
Dunamalyan N.A. Institutional foundations of Armenian cultural diplomacy. *Vestnik RAU (series: humanities and social sciences)*, 2018, no. 2 (29), pp. 34-37. (In Russ.) Available at: <https://science.rau.am/uploads/documents/1624448211.pdf> (accessed 25.09.2022).

ԸՐԱԿԱՆԱԿՆԵՐ / SOURCES

1. *Armenian Diaspora Opinion. Armenian Institute London Armenian Diaspora Survey. Pilot Project 2018*. Tchilingirian H., ed. 152 p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf (accessed 25.09.2022).
2. *Население на 01.03.2001 по регионам и этническим группам*.
Population as of 01.03.2001 by region and ethnic groups. (In Russ.) Available at: <https://www.nsi.bg/Census/Ethnos.htm> (accessed 25.09.2022).
3. *Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019*. Tchilingirian H., ed. 176 p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf (accessed 25.09.2022).
4. *Российские армяне. Этносоциологическое исследование*. Ереван, Издательство "Гитутюн", 2016. 306 с.
Russian Armenians. Ethno-sociological research. Yerevan, Gitutyun publishing, 2016. 306 p. (In Russ.) Available at: <http://diasporastudies.am/ds/sites/default/files/files/Արտյոնով.PDF> (accessed 25.09.2022).